

УДК 372.881.161.1
ББК 4426.819=411.2

DOI 10.26170/2079-8717_2022_06_05
ГРНТИ 14.25.07

Код ВАК 5.8.2

Гусельникова Марина Львовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mansergus@yandex.ru

**К ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПУШКИН В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методика преподавания русского языка; методика русского языка в школе; русский литературный язык; славянизмы; лексикология русского языка; формирование русского литературного языка; лингвистический анализ; стихотворения; русская культура; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; двумерность русского литературного языка

АННОТАЦИЯ. Изучение славянизмов, входит в разделы школьной программы, связанные с рассмотрением русской лексики. Славянизмы понимаются как явления (лексические факты и грамматические структуры) старославянского языка – языка христианского текста, ставшего частью русской культуры с приходом православия. Демонстрируется особое место славянизмов в составе русской лексики и сложности их интерпретации. В статье рассматриваются возможности привлечения текста Пушкина в качестве показательного примера, аккумулирующего представления о роли славянизмов и их особенностях. Славянизмы – это не заимствования в прямом смысле слова, они не включаются в «готовый», уже существующий литературный язык, а сами являются источником литературного языка вместе с русским народным (разговорным) языком. По своей природе (связанной с православным текстом) славянизмы являются выразителями абстрактных понятий и высших ценностей и тем самым во многом выражают оценку быта с позиции бытия. Такая роль славянизмов создает двумерность, двуплановость русского литературного языка, составляющие его уникальность. Данные особенности славянизмов наглядно представлены на основе анализа поэтического эксперимента А. С. Пушкина – небольшого стихотворения, доступного школьникам. Представленный материал может быть использован в школьном преподавании разделов русской лексики, связанных с изучением процесса заимствования и становления русского литературного языка.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гусельникова, М. Л. К изучению славянизмов в русском языке: Пушкин в помощь учителю / М. Л. Гусельникова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 6. – С. 44-47. – DOI: 10.26170/2079-8717_2022_06_05.

Guselnikova Marina Lvovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language of Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

**TOWARDS STUDYING SLAVISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
PUSHKIN TO HELP THE TEACHER**

KEYWORDS: methods of teaching the Russian language; methodology of the Russian language at school; Russian literary language; Slavisms; lexicology of the Russian language; formation of the Russian literary language; linguistic analysis; poems; Russian culture; Russian poetry; Russian poets; poetic creativity; two-dimensionality of the Russian literary language

ABSTRACT. The study of Slavisms is included in the sections of the school curriculum related to the consideration of Russian vocabulary. Slavisms are understood as phenomena (lexical facts and grammatical structures) of the Old Church Slavonic language, the language of the Christian text, which became part of Russian culture with the advent of Orthodoxy. The special place of Slavisms in the composition of the Russian vocabulary and the complexity of their interpretation are demonstrated. The article discusses the possibilities of attracting Pushkin's text as an illustrative example, accumulating ideas about the role of Slavisms and their features. The slavisms are not borrowings in the literal meaning of the term, they are not included in the "ready-made", already existing literary language, but are themselves a source of literary language together with the Russian native (colloquial) language. By their nature (associated with the Orthodox text), slavisms are expressions of abstract concepts and higher values and thereby they largely express the estimation of everyday life from the standpoint of human-being. Such a role of Slavisms creates the two-dimensionality of the Russian literary language, constituting its uniqueness. These features of slavisms are clearly presented on the basis of the analysis of the poetic experiment of A. S. Pushkin – a small poem available to schoolchildren. The presented material can be used in school teaching sections of Russian vocabulary related to the study of the process of borrowing and of the formation of the Russian literary language.

FOR CITATION: Guselnikova, M. L. (2022). Towards Studying Slavisms in the Russian Language: Pushkin to Help the Teacher. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 6, pp. 44-47. DOI: 10.26170/2079-8717_2022_06_05.

Изучение славянизмов в составе русского литературного языка органично входит в разделы школьной программы, связанные с рассмотрением русской лексики. В широком понимании славянизмы – это явления (лексические факты и грамматические структуры) старославянского языка, существовавшего в рамках христианского текста и пришедшего в русскую культуру вместе с православием.

Этот язык оказывается включенным в русскую культуру на протяжении тысячелетия, постоянно взаимодействует с родным языком и соотносится с русским языком в терминах «славено-русский», «русско-славянский», «славянский», «высокий штиль». Надо отметить, что современный церковно-славянский язык (язык православной церкви), являющийся прямым продолжателем старославянского языка, все же не равен старославянскому языку ни по форме, ни по функции. С точки зрения формы многие явления письменного языка изменились со временем и под влиянием русского литературного языка – например, в церковно-славянском языке отсутствуют некоторые старославянские написания и, напротив, появляется категория одушевленности, характерная именно для русского языка. С точки зрения функции все явления церковно-славянского языка рассматриваются внутри языка православной церкви, а явления старославянского языка уходят далеко за ее пределы, в космос русского литературного языка.

В составе лексики русского литературного языка славянизмы обычно рассматриваются упрощенно – как заимствования, по аналогии с заимствованиями из соседствующих и литературных языков вследствие языковых контактов (тюркизмами, галлицизмами, латинизмами и др.). Однако место и роль, значение славянизмов принципиально отличаются от традиционно понимаемых заимствований, и это нужно продемонстрировать школьникам. При этом невозможно погружение в теорию языковых контактов и сложных процессов заимствования – следовательно, нужны показательные примеры. И тут, как всегда, нам на помощь приходит Пушкин.

В качестве показательного примера рассмотрим стихотворение А. С. Пушкина, стихотворение «непрограммное», из опубликованной личной переписки: письмо П. А. Вяземскому, около 7 ноября 1825 г., Михайловское [4, с. 199].

А. С. Пушкин начинает этим стихотворением письмо своему другу и единомышленнику, стороннику карамзинистских взглядов. При этом пишет при крайне показательных жизненных и творческих об-

стоятельствах: в округе Михайловском эпидемия, связанная с расстройствами пищеварения, при которых писателю, видимо, очень трудно «ловить вдохновение». В этом же письме, после данного остроумного стихотворения, Пушкин сообщает о завершении «Бориса Годунова» знаменитой фразой: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!». Сам автор (как пишет далее в письме) ценил в этом произведении образ Юродивого. Но с не меньшей силой выписан им образ монаха-летописца Пимена – в письме к издателю «Московского вестника» по поводу «Бориса Годунова» Пушкин пишет: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях... – в сих драгоценных памятниках времен давно минувших» [5, с. 53].

В таком контексте можно понять, насколько погружен был тогда Пушкин в проблемы осознания важности славянского – «славяно-русского» по его определению – языка для современного читателя. И это в период, когда сам Пушкин участвовал в знаменитой «борьбе старого и нового слога» на стороне карамзинистов, которые считали, что литературный язык должен ориентироваться на язык разговорный, а не на устаревшие книжные славянизмы.

Действительно, почти все исследователи истории русского литературного языка, начиная с В. В. Виноградова и Г. О. Винокура, сходятся во мнении, что новаторство А. С. Пушкина и признание его как создателя современного русского литературного языка связано с созданием литературной формы разговорного языка, см. например, в работе В. Д. Левина: «Разговорность из явления принципиально нелитературного превратилась в письменной литературе в факт литературного языка – именно в этом и заключается сущность пушкинской реформы» [3, с. 175].

Такая позиция поэта должна отразиться в стихах этого времени – интересно, как проявляется уважение к высокой славянской традиции и стремление отразить живую разговорную речь.

Рассмотрим первое четверостишие:

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю – сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Итак, творческий полет сталкивается с «прозой жизни» – через пересечение славянской и русской языковой стихии. Прежде всего мы обращаем внимание на пересечение понятий «жизнь» и «живот». По устойчивым выражениям из библейских и летописных текстов, написанных на славян-

ском, «Не щадя живота своего», «и в животе, и в смерти» понятно, что *живот* на славянском значит «жизнь» («живот» по-славянски было бы *чрево*).

Далее смотрим на сочетаемость этих слов: *измучась – изнемогая* – первое слово явно можно отнести к разговорной сфере, второе – встречается в христианских текстах: *изнемогати «терять силу»*. Практически вторая строка является переводом (передачей содержания) с русского на славянский.

Однако если слово *живот* понять по-русски (как *брюхо*), смысл второй строки будет описанием физиологических страданий – «когда болен животом». В этом смысле двойное значение получает сочетание *жизнь постная*: в «славянском регистре» это «жизнь в посте» – серая, бездеятельная, скучная (сравни *пресная*). В «русском регистре» постная – жизнь на диете в связи с болезнью живота. Что мучит героя – бездельная, безрадостная, пустая жизнь или постоянная диета, ограничения в еде, действиях и т. п. в связи с тем, что болит живот?

В третьей строке, когда мы уже настроились на сравнение русских и славянских средств выразительности, возникают два устойчивых словосочетания. Первое – *парить орлом* – славянская книжная метафора, известная, например, из оды Петру I Феофана Прокоповича: «орле преславный, высоко парящий» – метафора вдохновения, творческого полета. Второе выражение – *сидеть орлом* – в русской народной традиции означает «справлять нужду, сидеть в нужнике» (физиологический частый стул при болезни живота).

В четвертой строке заложенное столкновение смыслов при «перекрестном» прочтении на двух языках достигает кульминации. По-славянски, в регистре высокого стиля, *праздность* «бездействие, лень как порок» (наше современное понимание). Само слово образовано от *праздный* «пустой», сравни русскую параллель с полногласием *порожний*. Это значение слова становится особо интересным в контексте с определением *поносный*. В высоком стиле оно соответствует словам *поносить* «осуждать, порицать», *поношение* «порицание, ругань». В народном выражении оно соотносится со словом *понос* в физиологическом понимании. Таким образом, *болен праздностью поносной* может одновременно означать в прямом смысле «болен, страдаю от (постоянных) опорожнений (ср. испражнения) из-за поноса» и в переносном смысле: «болен, т. е. чувствую, осознаю порок праздности (бездействия), достойный осуждения».

Таким образом, все стихотворение по-

строено (очевидно, сознательно) на сочетании книжных и народных средств и демонстрирует (явно заинтересованному единомышленнику, который может это оценить) эффектные возможности такого столкновения. Книжные и разговорные средства подчеркивают и дополняют друг друга, они взаимно важны и, значит, равноправны как части нового, возникающего сейчас, под пером Пушкина, литературного языка. Пушкин предлагает своему другу и нам всем насладиться этим процессом, ощутить восторг осознания того, каким богатством мы владеем. Это, безусловно, лингвистическая забава, но, как часто у Пушкина, в этой легкости выражены очень важные смыслы.

Бесспорно, гений Пушкина прежде всего в том, что в его творчестве русский разговорный язык поднимается на высоту литературного. Но при этом славянское наследие не заменяется и не отменяется, сохраняя русскому языку возможность выхода на высоту выражения вечных ценностей. Именно эта возможность «переключения регистра» в восприятии слова от «русской» семантики к «славянской» и наоборот и определяет значимость славянизмов в нашем языке.

Небольшой остроумный поэтический эксперимент Пушкина ярко и показательно и при этом абсолютно органично отражает роль славянского наследия в нашем языке. Славянизмы дают возможность двоякого прочтения текста, что наглядно демонстрирует уникальное качество: по словам Б. А. Успенского [8, с. 175], «сопряжение церковнославянской и русской языковой стихии позволяет лингвистам говорить о “двумерности” (термин Б. Унбегауна) русского литературного языка». Показательно, что об этом явлении и в это же время рассуждал и сам А. С. Пушкин. В цитируемом письме Вяземскому Пушкин упоминает о вышедшем переводе на французский басен И. Крылова. В предисловии к труду переводчик Лемонте объяснял трудности работы отсутствием разговорных аналогов ко многим русским разговорным словам, которые считал «татарскими». Пушкин показал, что речь идет о славянизмах как особом средстве высокого стиля, и оставил нам уже ставшую классической оценку роли книжного славянского языка: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон..., усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но

впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» [6, с. 31]. Таким образом, именно в это время Пушкин приходит к оценке места и значения славянизмов в составе русского литературного языка, и всем своим творчеством формирует и развивает это уникальное качество. «Непереводимость» этого языка обусловлена тем, что русский литературный язык создается и развивается из двух источников и по своей природе как бы существует в двух планах: бытовом и бытийном.

В таком понимании славянизмы получают три важные характеристики. Во-первых, это не заимствования в прямом смысле слова, так как (в отличие, например, от галлицизмов) не связаны с появлением новых реалий (типа «панталоны, фрак, жилет»). Во-вторых, славянизмы не включаются в «готовый», уже существующий литературный язык (как, например, заимствования из английского в последние десятилетия), а сами являются источником лите-

ратурного языка вместе с русским народным (разговорным) языком. В-третьих, по своей природе (связанной с православным текстом) славянизмы являются выразителями абстрактных понятий и высших ценностей и тем самым во многом выражают оценку быта с позиции бытия. Такая роль славянизмов создает двумерность, двуплановость русского литературного языка, составляющие его уникальность.

Отношение к славянизмам было в центре дискуссии западников и славянофилов в течение нескольких десятилетий в многочисленных теориях и программах – но только гений Пушкина на практике, в художественном творчестве сформировал оценку и продемонстрировал значение славянизмов в русском литературном языке. И, может быть, только Пушкин мог представить эти важнейшие и серьезнейшие идеи в небольшом и не очень серьезном поэтическом эксперименте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М. : Л., 1935. – 382 с.
2. Винокур, Г. О. Пушкин и русский язык / Г. О. Винокур // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 189-206.
3. Левин, В. Д. «Евгений Онегин» и русский литературный язык / В. Д. Левин // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. – 1969. – Т. 28, № 3.
4. Пушкин, А. С. П. А. Вяземскому / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 10. Письма. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – С. 199.
5. Пушкин, А. С. Письмо к издателю «Московского вестника» / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7. Письма. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 53-55.
6. Пушкин, А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 10. Письма. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – С. 31-34.
7. Сорокин, Ю. С. Язык Пушкина / Ю. С. Сорокин // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. – М. ; Л. : Наука, 1966. – С. 340-352.
8. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 240 с.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1935). *Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Language: Pushkin and the History of the Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad. 382 p.
2. Vinokur, G. O. (1959). Pushkin i russkii yazyk [Pushkin and the Russian Language]. In Vinokur, G. O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, pp. 189-206.
3. Levin, V. D. (1969). «Evgenii Onegin» i russkii literaturnyi yazyk [“Eugene Onegin” and Russian Literary Language]. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya lit. i yazyka*. Vol. 28. No. 3.
4. Pushkin, A. S. (1979). P. A. Vyazemskomu [To P. A. Vyazemsky]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. Vol. 10. Pis'ma*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, p. 199.
5. Pushkin, A. S. (1978). Pis'mo k izdatel'yu «Moskovskogo vestnika» [Letter to the Publisher of the Moscow Bulletin]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. Vol. 7. Pis'ma*. Nauka. Leningradskoe otdelenie, pp. 53-55.
6. Pushkin, A. S. (1979). O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I. A. Krylova [On the Preface of Mr. Lemonte to the Translation of Fables by I. A. Krylov]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. Vol. 10. Pis'ma*. Nauka. Leningradskoe otdelenie, pp. 31-34.
7. Sorokin, Yu. S. (1966). Yazyk Pushkina [Pushkin's Language]. In *Pushkin: Itogi i problemy izucheniya*. Moscow, Leningrad, Nauka, pp. 340-352.
8. Uspensky, B. A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Essay on the History of the Russian Literary Language (XI–XX Centuries)]. Moscow, Gnozis. 240 p.